

Научная статья

УДК 340.12

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).19-27

EDN JQCBOO

Энтропия права в закрытом обществе

Вадим Викторович Антонченко

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
ГПС МЧС России, Владивосток, Россия
antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

АННОТАЦИЯ

Как открытая сложнорегулируемая система, право не может быть эффективным в закрытой, внутренне противоречивой и неправовой политической системе. Подчиненность права идеологии и политике, характерная для закрытого общества, неизбежно деформирует все элементы правовой культуры, порождая правовой нигилизм. Эрозия права, пренебрежение к его идеалам и ценностям, закрепленное в общественном сознании, влечет за собой небрежное отношение к закону и правопорядку. Непонимание ценности права порождает несформированность правовых знаний, ограниченность навыков правовой деятельности и приводит к разрушению правовой системы. В рамках синергетической научной парадигмы, применяемой к социально-правовым моделям, возможен поиск решения проблем правовой жизни социума, учитывающий ценностные ориентиры, модели поведения, взаимодействие норм, состояние правосознания и правовой культуры, детерминирующих в своем единстве направление развития общества и государства. Взаимодействие указанных и иных, менее очевидных, факторов позволяет рассматривать социально-правовые процессы как упорядоченно самоорганизующиеся, в которых роль внешнего управленческого (собственно законодательного) воздействия является значимой, но не решающей. В закрытом обществе право, опосредующее властное волеизъявление, не является производным от общественного мнения. Правовая система закрытого общества как категория, отражающая все существующие в обществе правовые явления и всю правовую действительность, неизбежно деградирует к стандартному для замкнутых систем состоянию и сводится к позитивному праву и соответствующему ему правоприменению, обслуживающему интересы властных элит. Энтропия права в таком социуме обусловлена имманентностью коллизии, неустраняемым противоречием между позитивным правом и реальными общественными интересами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический режим, правовая энтропия, авторитаризм, гражданское общество, социальная синергетика, закрытое общество, открытое общество

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонченко В.В. Энтропия права в закрытом обществе / В.В. Антонченко. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).19-27. – EDN JQCBOO // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 1. – С. 19–27.

Original article

Entropy of law in a closed society

Vadim V. Antonchenko

Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University
of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Vladivostok, Russia
antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

ABSTRACT

As an open, complex organized system, law cannot be effective in a closed, internally contradictory and non-legal political system. The subordination of law to ideology and politics, characteristic for a «closed» society, inevitably deforms all elements of legal culture, giving rise to legal nihilism. The erosion of law, disregard for its ideals and values, fixed in the public consciousness, entails a negligent attitude to the law and the rule of law. Lack of understanding of the value of law generates unformed legal knowledge, limited skills of legal activity, and leads to the destruction of the legal system. Within the framework of the synergetic scientific paradigm applied to socio-legal models, it is possible to search solutions to the problems of the legal life of society, taking into account value orientations, behavioral models, interaction of norms, the state of legal

© Антонченко В.В., 2025

consciousness and legal culture, determining in their unity the direction of development of society and the state. The interaction of these and other, less obvious, factors allows us to consider socio-legal processes as orderly and self-organizing, in which the role of external managerial (actually legislative) influence is significant, but not decisive. In a "closed" society, the law mediating the expression of power is not derived from public opinion. The legal system of a closed society, as a category reflecting all the legal phenomena existing in society and the entire legal reality, inevitably degrades to the standard state for closed systems and is reduced to positive law and its corresponding law enforcement, serving the interests of the ruling elites. The entropy of law in such a society is due to the immanence of conflict, the irremediable contradiction between positive law and real public interests.

KEYWORDS

political regime, legal entropy, authoritarianism, civil society, social synergy, closed society, open society

FOR CITATION

Antonchenko V.V. Entropy of law in a closed society. *Akademicheskii yuridicheskii journal = Academic Law Journal*. 2025;26(1):19–27. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).19-27. EDN: JQCB00.

Введение

В теории юридической науки и практике правовой реальности особое место занимает проблема эффективности права как основного регулятора общественных отношений. Постоянные изменения в общественной жизни обуславливают риски появления неупорядоченности, рассогласования в существовании форм правовой действительности (правовых идей, правовых норм, правовых отношений и социальных взаимодействий), опосредованной системой права того или иного государства. Противоречия в сфере правового регулирования являются нормальными и присущими всем государствам, независимо от их формы. Более того, юридические коллизии закономерны и являются естественными в генезисе правовой системы; обострение противоречий является порой не только способом эффективного разрешения конфликтов, но и триггером ее развития. Однако если эти противоречия являются настолько серьезными, что приводят к дезорганизации общественной жизни, то можно говорить о правовой энтропии, грозящей разрушением системообразующих связей и отношений, опасным для самого существования системы.

Актуальность исследования функционирования права в закрытых обществах, как наиболее крупных и подверженных государственному регулированию разновидностях закрытых социальных систем среди иных закрытых групп (национальных, этнических, религиозных, профессиональных и т.д.), обусловлена тем, что, несмотря на значительное уменьшение в XX веке количества государств с политическими режимами, которые можно отнести к закрытым, их удельный вес в мировом политическом процессе продолжает оказывать существенное влияние на уровень благополучия народов и состояние глобальной безопасности.

Использование в описании политических режимов и социально-правовых структур количественных факторов, определяющих его стабильность (классы, социальные группы и слои, общественные организации, партии) и способных участвовать в социально-значимых процессах, обуславливает применение в исследовании методологии, принципов и категорий юридической синергетики, позволяющей изучать и объяснять наиболее общие закономерности правовых явлений на основе присущих системе права начал самоорганизации. Юридическая синергетика способна выявить механизмы функционирования права как открытой сложноорганизованной системы, его генезис, а также устойчивость и флуктуации правовой системы и сценарии ее эволюции.

Малые и, возможно, неявные воздействия на общество и право, складывающиеся в резонанс, могут приводить к существенным последствиям. С точки зрения синергетического подхода неустойчивость системы может нести созидательное начало, однако для этого система должна быть открытой и строиться на принципиально устойчивом фундаменте, не подверженном временным и случайным колебаниям. В праве этот фундамент составляют основные начала и правовые идеи, соответствие содержания юридической нормы истинному социальному интересу и универсальным базовым ценностям.

Антагонизм права и закрытого общества

Общество как социально-правовая система, подвергаясь влиянию различных объективных и субъективных факторов, постоянно испытывает прогрессивные и регрессивные изменения (с преобладанием первых), описываемые синергетикой как сменяющие друг друга динамику и застой, упорядоченность и неопределенность.

Любые правовые дисфункции суть правонарушения. Они всегда относительно, зависят от уровня развития общества и права, правовой культуры, социальных ценностей, признаваемых обществом в конкретный исторический период и являющихся для него эволюционными ориентирами. Описание перехода антагонистических явлений развития общественно-правовой реальности из одного состояния в другое можно выразить через взаимосвязь парных категорий прогресса и регресса, развития и застоя, хаоса и порядка, негэнтропии и энтропии. Любая из данных категорий несет в себе потенциал дальнейшей трансформации в собственную противоположность.

Как мировая, так и отечественная история государства и права изобилует многочисленными примерами смены энтропийных (разрушающих) и негэнтропийных (созидающих) векторов развития социума, разнонаправленных и одновременно взаимообуславливающих и нередко чередующихся между собой. Например, некоторая либерализация в ходе реформ Александра II в России второй половины XIX века (1861–1881 годы) вызвала прогресс в развитии российского государства, качественное отставание которого от передовых стран Европы в социально-политической и экономической сферах стало очевидным. Однако накопленные к тому времени социально-экономические и политические противоречия уже превысили свою критическую массу; царь, уже готовый подписать первую в истории государства Конституцию, был убит (1881 год), а реформы развития сменились контрреформами его преемника Александра III.

Реакционные меры правительства, призванные стабилизировать социально-политическую жизнь в стране, жесткий консерватизм и нетерпимость к инакомыслию лишь обусловили дальнейшее нарастание противоречий, которые привели к Первой русской революции 1905–1907 годов, закрепившей в законодательстве гражданские свободы и другие либерально-демократические изменения [1]. Однако уже в 1907 году преобразование абсолютной монархии в конституционную снова сменилось жесткой реакцией («Третьеиюньский переворот» 3 (16) июня 1907 года), которая, в свою очередь, создала предпосылки для последующих революционных событий 1917 года. Таким образом, менее чем за 50 лет вектор правового и общественно-политического развития в России, неоднократно направлявшийся к свободному и правовому развитию социума, неизбеж-

но менялся на диаметрально противоположный. Это обусловило детерминацию последующих негативных событий, глобально изменивших не только Россию, но и весь мир. В результате последовавшей системной дезинтеграции во всех сферах социальной действительности, обостренной мировой войной, Российская империя, крупнейшее (после Британской империи) государство, — было разрушено. Эти разрушения повлекли за собой создание новых общественных связей и возникновение нового государства, стоившие населению многочисленных бедствий и человеческих жертв.

От подобной радикальной и неоднократной смены вектора развития политико-правовой системы не застрахован любой социум, однако общество, лишенное демократических основ в государственном управлении, более других подвержено рискам крайне неблагоприятных последствий таких колебаний.

Безусловно, свойство закрытости, как и открытости любого общества имеет свою степень — от мягкого авторитаризма, потворствующего закрытости (например, современный Сингапур), до крайних степеней тоталитаризма и различных видов диктатур и тираний (от концепции легизма, воплощенной в деспотическом режиме Древнего Китая, до фашистских режимов Новейшего времени). Оценивая действие права в таких разных условиях закрытости, можно, как представляется, предложить универсальную формулу: чем больше политики в праве, тем меньше права (в его истинном юридическом, стремящемся к юснатуралистскому пониманию) в социальной жизни (в том числе и в сфере самой политики).

Как показывает история развития государств и политических режимов, мягкие авторитарные режимы имеют склонность к трансформации. Поддавлением народа как коллективного субъекта права, способного показывать определенную степень единства, осознания своих интересов и потенциал их отстаивать, мягкий авторитаризм стремится эволюционировать в демократический режим. В другом же случае, если население, оставаясь управляемой массой, не способно быть реальным источником власти в стране в конституционном смысле, характер авторитаризма и его свойства могут дрейфовать в сторону более жестких форм и даже преобразовываться в тоталитаризм. Условиями таких трансформаций может быть сочетание экономических, политических, военных и идеологических факторов, а также личностно-субъективные особенности представителей правящих элит.

Таким образом, наибольшую актуальность для целей исследования энтропии права представляют жесткие авторитарные и тоталитарные режимы, которые и сегодня все еще представлены на политической карте мира (Афганистан, Иран, КНДР, Туркменистан, Эритрея и др.), и в которых степень закрытости общества достигает значимых величин.

В мировой общественно-политической практике достаточно примеров, когда этатизм как идеология и политическая традиция создает лишь декорации стабильности; укрепление правопорядка и законности средствами интервенционизма и ужесточения режима провоцирует энтропийные процессы, способные разрушить и право, и само государство.

Понятие «закрытое» в отношении социальных систем означает несвободное, традиционалистское, консервативное общество, существенно ограничивающее социальную мобильность. Оно воплощает в себе черты и обусловленные ими недостатки тоталитарного и жесткого авторитарного государственного режима, связанные с нерациональной и, как следствие, неэффективной экономикой и низким уровнем жизни граждан, отсутствием экономической конкуренции, политической и экономической самоизоляции государства и его технологической отсталостью. Закрытое общество отрицает индивидуальность человека: в нем «племя — все, а индивид — ничто» [2]. Политика и право закрытого общества характеризуется антидемократизмом и идеологическим доминированием, существенным ограничением прав человека и гражданских свобод для основной массы населения, распространением силовых методов решения как внутренних проблем, так и международных вопросов.

В условиях закрытого общества позитивное право, получая роль, зависимую от власти, обслуживает интересы правящих элит, а также является имитацией, маскирующей внеправовые методы достижения узкогрупповых целей. В лучшем случае право служит интересам обеспечения утилитарных бытовых потребностей населения, не затрагивающих вопросы власти. Право в закрытом обществе подчинено интересу сохранения властвующими элитами своего положения и рано или поздно оно так или иначе трансформируется в право насилия.

В том случае, если государство в соответствии с классовой марксистско-ленинской формулировкой является машиной для поддержания господства одного класса над другим, право естественным образом выражает интересы правящей

элиты и, по определению классиков, является возведенной в закон волей экономически господствующего класса [3, с. 73]. Право и правовое воздействие в подобной политической системе используется в узких целях как инструмент обеспечения главным образом узкогрупповых интересов властных элит, подменяющих реальные интегративные потребности социума [4, с. 322]. Фактически право в закрытых обществах, принципиально отрицая универсальные ценности (равенство граждан, право на свободу, развитие, народный суверенитет), либо тотально разрушается, либо вовсе не является таковым с точки зрения современных подходов к правопониманию. Формируя социально-правовую действительность указанным образом, позитивное право закрытого общества меняет и институты публичной власти, выхолащивая их содержание и надевая качеством декораций, не имеющих реального содержания и не выполняющих возложенных на них функций.

Юридическая деятельность в таких системах не является в полном смысле правовой. Властные элиты закрытых обществ не заинтересованы в сохранении цивилизованных свойств и функций права; право для них — выраженная в законе их воля. Право, подчиненное идеологии при тоталитаризме или выражающее специфические узкогрупповые интересы властных элит при автократии, не служит общенациональному интегративному интересу и общепольным целям. Бенефициары политического режима используют право для реализации своих задач и достижения целей, но как только право начинает ограничивать их в интересе (который либо прямо связан со сферой приобретения и приращения материальных благ, либо коррелирует с ней), оно игнорируется. Законодательные акты принимаются в интересах властной элиты, которая при этом никак не связана ими в своих действиях; правовые нормы, стесняющие собой интересы правящих элит, либо с легкостью отменяются, либо просто не выполняются.

В закрытом обществе власть в большей, чем должно с точки зрения рациональности, степени, контролирует поведение граждан. В тоталитарных обществах власть стремится контролировать весь модус бытия человека, включая переживания, интересы и мысли людей. Такое общество живет по жестким правилам, опосредованным не только правом, но и иными, неправовыми регуляторами: собственной моралью, религией, традициями, отступление от которых влекут серьезные неблагоприятные последствия

для нарушителя. Стремление в закрытых системах законсервировать социальные отношения с целью сохранения личной власти, провоцирует дезинформацию общества, его запугивание принятием и реализацией репрессивных норм, нелегитимное насилие вплоть до физического уничтожения несогласных, способное приобретать, в том числе массовый характер. Идеологическое давление и государственное принуждение, характерные для закрытого общества, формируют у населения политическую и гражданскую пассивность [5].

Закрытое общество не в состоянии предоставить гражданам уровень благополучия и безопасности, соответствующий современным представлениям о них. Компенсируя данную несостоятельность, государство вынуждено прибегать к массированному воздействию официальной пропаганды, использующей демагогические приемы и современные медиатехнологии, с целью формирования общественного мнения, одобряющего и тем самым легитимирующего существующий порядок. Усилиями пропаганды большинство общества полагает существующий порядок, в том числе и выходящее за рамки необходимого насилие, справедливым. В случае возникновения угроз действующему режиму, которые не могут быть купированы средствами пропаганды, публичная власть легализует неправо- вой террор изменением законодательства (как материального, так и процессуального), фактически расформировывая отрасли права, отвечающие за государственное принуждение. Однако режим в достижении своих целей удержания власти не связан и таким «неправовым» законом и способен пользоваться методами внесудебных, в том числе тайных, расправ [6; 7].

Подавление свободы, т.е. определенной анархии, в ее приемлемых формах, провоцирует увеличение энтропии, рано или поздно приобретающей разрушительный характер неконтролируемого хаоса. Эти процессы не только снижают регуляторную функцию права, но и значительно деформируют ценностно-мотивационный характер общественного сознания. Дальнейшее распространение энтропии на все уровни социальной жизнедеятельности может повлечь за собой разрушение политической системы, влекущее за собой масштабные человеческие жертвы, крах экономики и другие трагические последствия, способные не только поколебать фундаментальные основы общественного устройства, но и разрушить государство. Примером таких явлений стали, например события 1917–1922 годов, когда

российское общество, внешне будучи правопослушным, соборным, религиозным и воцерковленным, монолитным в триединстве духовного, государственного и народного начал, практически мгновенно трансформировалось в свой антипод, показав невиданные ранее образцы социальной розни и физически уничтожая целые сословия граждан, прежде всего (но не только), относящихся к представителям свергнутой власти и духовенства [8; 9].

Мировая история государства и права свидетельствует, что на те или иные трансформации социальной системы в значительной степени влияет субъективный фактор, характер и степень влияния на данные процессы личностей, стоящих у власти и обладающих возможностью оказывать воздействие на выбор вектора исторического развития [10; 11]. Увеличение энтропии в социальной сфере авторитарных и тоталитарных государств обусловлено неизбежным конфликтом между открытым характером права как социализирующего феномена и закрытостью общества, имманентной недемократическим политическим режимам. Результатом этих процессов может стать формирование девиантного сознания, распространяющегося в социуме. Такое отклонение приобретает массовый характер в периоды революций, войн и иных подобных социальных потрясений, влекущих за собой не только многочисленные жертвы и разрушение экономики, но и крах государства.

Правовая энтропия

Существует мнение, что правовая энтропия — это «степень дезорганизации правовой системы, являющейся результатом нормальной динамики в сфере права, влекущая за собой неустойчивость структурных и функциональных связей, выражающуюся в неопределенности ее дальнейшего состояния» [12, с. 54]. Представляется, что неопределенность и неустойчивость как особые фазы функционирования права следует отличать от энтропийного расформирования права в силу обострения системных противоречий. Коллизионность правового акта и рассогласованность юридических норм действительно является обычным явлением правовой реальности и, не затрагивая ценностно-ориентационный компонент правового поведения граждан, устраняется в ходе нормальной правотворческой деятельности и в процессе правоприменения.

В отличие от правовой дисфункции правовая энтропия, выражая меру беспорядка и хаоса в социально-правовой сфере, поражает право

в целом, его системные элементы, правовую культуру, общественное и индивидуальное правосознание.

Неупорядоченность и неопределенность права при увеличивающейся его энтропии в данных условиях могут быть фактором, побуждающим к совершенствованию правовой системы только в условиях открытого общества, способного к самоорганизации и самосовершенствованию. В ином случае правовые деформации способны принять необратимый и широкомасштабный характер, оказывая деструктивное действие на всю правовую и политическую систему и ставя под сомнение не только ее способность к развитию, но и возможность выживания.

Сложноорганизованной открытой системе невозможно навязать произвольный вариант упорядочивания, не учитывающий состояние всех ее элементов (суть: интересов всех социальных групп и страт). В закрытых же социальных системах влияние на правовое регулирование, как и вообще на общественную жизнь граждан, трудовых коллективов и общественных объединений, а также договорных начал, являющихся элементами самоорганизации, крайне ограничено [13, с. 32]. При этом именно степень самоорганизации в практике государственно-правового управления закрытых обществ обратно пропорциональна глубине социальных кризисов. Волюнтаристские попытки внешнего воздействия, противоречащие базовым ценностям общества, основам морали и устоявшимся традициям, влекут за собой разрушение контекстуально-бытийной ткани социальных отношений и чреваты серьезными негативными социальными последствиями.

Право, конкурируя с иными социальными нормами и факторами и формируя должное поведение всех субъектов социальных отношений, призвано снимать напряжение в критических точках общественного бытия. В открытой системе конфликты разрешаются путем удаления из нее конфликтных элементов, согласования интересов, самоорганизации. Здесь право является средством упорядочивания интересов всех субъектов общественной жизни. В закрытых обществах право выполняет роль консерванта существующего порядка и, следовательно, оно не является средством поиска общественного компромисса; его действие направлено на стабилизацию состояния, не разрешающую конфликт, а подавляющую либо маскирующую его. Именно нарастание неразрешаемого конфликта приводит общество к нестабильности. Процес-

сы в точке бифуркации, вызванные социальной напряженностью, не разрешаемой действиями управляющих субъектов, характеризуются быстрыми и критическими трансформациями общественной жизни и всей социокультурной сферы.

Правовая жизнь общества по своей внутренней сущности является сложноорганизованной открытой системой, имеющей свою историю эволюции, направление и перспективы развития, которые зависят от множества объективных и субъективных факторов, в том числе обнаруживающихся лишь при пристальном, детальном изучении. Такие скрытые факторы могут при определенных обстоятельствах проявиться, стать решающими и повлечь значимые последствия для развития всего общества. Социальная стратификация и дифференциация общества является мощным энтропийным фактором, порождающим острые социальные противоречия и придающим облику грядущих трансформаций государства и общества крайне негативные коннотации. Существование государства как продукта и проявления непримиримости классовых противоречий, а права — как возведенной в закон воли господствующего класса [14, с. 7], в современном мире не является приемлемым.

Право как основной (но не единственный) регулятор социальных отношений служит цели достижения общественного компромисса между различными социальными слоями, группами и классами и в этом качестве является мощным антиэнтропийным феноменом. Однако подобный подход к праву справедлив лишь в правовых демократических политических системах. Сегодня такие общества созданы и с теми или иными оговорками функционируют примерно в половине государств планеты. Открытые общества и социально-политические системы, взаимодействуя между собой, взаимно обогащаются, развиваются и определенным образом интегрируются. Такое взаимодействие по передаче правового опыта представляется позитивным и неотъемлемым фактором глобализации.

Право изначально и институционально обладает свойствами антиэнтропийного средства. В современном государстве сущность права дуалистична: оно является продуктом государства, выражением его воли и одновременно ограничивает эту волю. Упорядочивая социальные отношения во всех значимых сферах общественной жизни (формирование органов государственной власти и организацию их деятельности, правовое положение граждан, отношения собственности

и распределение общественного продукта), право противостоит социальному хаосу и участвует в создании условий для обеспечения благополучия, представления о котором зависят от уровня развития социума. Законность как принцип, лежащий в основе социальной жизнедеятельности, требует легитимации, которая в современном обществе неотделима от естественно-правовых начал справедливости. Проявляя свой всеобщий характер, она является мощным негэнтропийным фактором, но данный вывод справедлив и не требует оговорок в социумах, в которых государство подчинено воле народа, признает права и свободы граждан и ограничено законом в своих действиях. Действие законности на стабильность системы и правопорядок даже в демократических государствах не является абсолютным: нормы права могут быть противоречивы, а правоприменение — испытывать на себе факторы субъективизма. В условиях же закрытого общества право теряет свое свойство высокой цивилизационной ценности, внедряясь в духовную жизнь всех общественных слоев исключительно как продукт государственной власти, обслуживающий идеалы этатизма, проповедуемые правящим политическим классом.

Выводы

Безусловно, констатация антагонизма права и закрытого общества справедлива для юснатуралистского взгляда на право и его миссию. С точки зрения юридического позитивизма право может существовать (и веками существует) в закрытом обществе. Однако обладает ли юридическими свойствами в современном их понимании «право», основанное единственно на воле верховной власти и индифферентное к категориям свободы, равенства, справедливости и правам человека? Такое «право» — это право силы; вероятность того, что использующее его государство, преследуя свои интересы, воздержится от пересечения границы рационального легального принуждения и применения под маской легального «правосудия» насилия либо даже внесудебных расправ, невелика.

Энтропия как качественное разрушение права, имманентна закрытым обществам в силу наличия неустранимого противоречия между открытым характером права и закрытым состоянием системы, подчинения права идеологии и политической конъюнктуре, лишения права его общесоциальной правовой сущности, придания праву сугубо утилитарного характера, подмены идеологическими догмами универсальных

правовых ценностей, регресса правосознания и правовой культуры, деградации социальных институтов.

Политико-правовой режим в условиях закрытых обществ со временем теряет свою ценность, а следовательно, и легитимность для большинства социальных групп и слоев. Это является одним из наиболее существенных факторов возрастания социальной энтропии как трансформации общественной системы в менее упорядоченное состояние. Подобные явления чреваты серьезными социально-политическими потрясениями, сравнимые с результатами масштабных войн и революций.

Для уменьшения негативных последствий этого процесса властные элиты должны иметь особые средства управления в нестабильной ситуации. Поскольку программа превенции негативных последствий кризиса не в состоянии учесть всего многообразия действующих в развитии общества факторов дестабилизации системы, излишне жесткая регламентация способна лишь увеличить ее критическое состояние [15, с. 48]. Разрушение фундаментальных основ экзистенциальной ткани бытия, связанное с отрицанием свободы как вреда, принуждающего человека быть ответственным и обретать свою сущность самостоятельно, без давления институтов общества и государства, входя в резонанс с процессами деформации правосознания, правовой и общей культуры, неизбежно составляющих реальность закрытого общества, неминуемо порождают рост существенных рисков для благополучия и безопасности общества и государства [16, с. 107–109].

Рационализм и новые типы социокультурных отношений, достижения науки и новейшие технологии XXI века не оставляют места закрытым обществам. Будущее человечества представляется возможным лишь в условиях открытого общества и демократии, где господствует критическое мышление, справедливость и право, наполненное юридическим содержанием. Человеческое общество, представляя собой сверхсложную динамическую систему, глобализуясь и получая сегодня новый опыт и новые технологии прежде всего в информационной и социальной сфере, чутко улавливает изменения, которые происходят в окружающем мире и социально-правовой действительности. Гражданская инициатива, участие гражданского общества в управленческой деятельности, воплощение в практику принципов реальной демократии, договорные процессы, согласуя

интересы участников в социально-правовой реальности, элиминируют конфликтные потенциалы и усиливают негэнтропийные процессы. Противостояние общества правовой энтропии не является легким во все времена и в любом

государстве; в периоды же коренных трансформаций вектора общественного развития оно особенно необходимо для ослабления крайне негативных, разрушающих социальную ткань бытия, потенциалов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О.И. Чистяков. — Москва : Юрид. лит., 1994. — Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. — С. 41.
2. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги : в 2-х т. — Москва : Феникс, 1992. — Т. 1: Чары Платона. — 448 с.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 39. — 623 с.
4. Маркс К. Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1955. — Т. 3. — 630 с.
5. Антонченко В.В. Право и общественные интересы / В.В. Антонченко. — DOI 10.24866/1813-3274/2022-1/174-183. — EDN TPVIOD // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2022. — Т. 24, № 1. — С. 174–183.
6. Антонченко В.В. Имманентность детерминант нестабильности тоталитаризма / В.В. Антонченко, Л.И. Романова. — DOI 10.24866/1813-3274/2022-4/69-80. — EDN NSIXLA // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2022. — Т. 24, № 4. — С. 69–80.
7. Ригуло П. Преступления, террор и секретность в Северной Корее / П. Ригуло. — Москва : Три века истории, 2001. — 780 с.
8. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России, 1918–1922 гг. / А.Л. Литвин — Москва : Эксмо, 2004. — 448 с.
9. ВЧК/ГПУ : документы и материалы / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. — Москва : Изд-во гуманитар. лит-ры, 1995. — 272 с.
10. Бердяев Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. — Москва : Мысль, 1990. — 173 с.
11. Крутова О.Н. Человек и история : (проблема человека в социальной философии марксизма) / О.Н. Крутова. — Москва : Политиздат, 1982. — 208 с.
12. Павлова Ю.В. Правовая энтропия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю.В. Павлова. — Владимир, 2004. — 173 с.
13. Делокаров К.Х. Синергетика и познание социальных трансформаций / К.Х. Делокаров // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. — Москва, 2003. — С. 18–35.
14. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. — 5-е изд. — Москва : Госполитиздат, 1962. — Т. 33: Государство и революция. — 433 с.
15. Сорокин В.В. Феномен самоорганизации правовой системы / В.В. Сорокин // Современное право. — 2005. — № 7. — С. 45–51.
16. Мэй Р. Открытие Бытия : очерки экзистенц. психологии / Р. Мэй. — Москва : Ин-т Общегуманит. исслед., 2004. — 200 с.

REFERENCES

1. The Highest Manifesto on the Improvement of State Order, dated 17 October 1905. In Chistyakov O.I. (ed.). *Russian Legislation of the 10th–20th Centuries*. Moscow, 1994. Vol. 9, pp. 41. (In Russian).
2. Popper K.R. *The Open Society and its Enemies*. Vol. 1. The Spell of Plato. London, 1966. 384 p. (Russ. ed.: Popper K.R. *The Open Society and its Enemies*. Moscow, Feniks Publ., 1992. Vol. 1. The Spell of Plato. 448 p.).
3. Lenin V.I. *The Complete Works*. Moscow, Politizdat Publ., 1970. Vol. 39. 623 p.
4. Marx K., Engels F. *The Essays*. 2nd. ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. Vol. 3. 630 p.
5. Antonchenko V.V. Law and Public Interests. *Aziatsko-Tikhookeanskiy Region: Ekonomika, Politika, Pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 174–183. (In Russian). EDN: TPVIOD. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/174-183.
6. Antonchenko V.V., Romanova L.I. Immanence of Determinants of Instability of Totalitarianism. *Aziatsko-Tikhookeanskiy Region: Ekonomika, Politika, Pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 69–80. (In Russian). EDN: NSIXLA. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-4/69-80.
7. Rigulo P. *North Korea's crime, terror and secrecy*. Moscow, Tri veka istorii Publ., 2001. 780 p.
8. Litvin A.L. *Red and white terror in Russia, 1918–1922*. Moscow, Ehksmo Publ., 2004. 448 p.
9. Felshtinskii Yu.G. (ed.). *VChK/GPU: documents and materials*. Moscow, 1995. 272 p.
10. Berdyaev N.A. *The Meaning of History*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 173 p.
11. Krutova O.N. *Man and history: (human problem in the social philosophy of Marxism)*. Moscow, Politizdat Publ., 1982. 208 p.
12. Pavlova Yu.V. *Legal entropy*. Cand. Diss. Vladimir, 2004. 173 p.

13. Delokarov K.Kh. Synergetics and Cognition of Social Transformations. In *Synergistic paradigm. Man and society in instability*. Moscow, 2003, pp. 18–35. (In Russian).

14. Lenin V.I. *The Complete Works*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. Vol. 33. 433 p.

15. Sorokin V.V. The phenomenon of self-organization of the legal system. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2005, no. 7, pp. 45–51. (In Russian).

16. May R. *The Discovery of Being. Writings in Existential Psychology*. New York, Norton, 1983. 192 p. (Russ. ed.: May R. *The Discovery of Being. Writings in Existential Psychology*. Moscow, 2004. 200 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Викторович Антонченко — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Дальневосточная пожарно-спасательная академия — филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС. 690922, Россия, Владивосток, о. Русский остров, п. Аякс 27; Researcher ID: AAB-4863-2022; SPIN-код: 5358-1098.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Antonchenko — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Far Eastern Fire and Rescue Academy, Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 27, Ajax, Russian Island, Vladivostok, Russia, 690922; Researcher ID: AAB-4863-2022; SPIN-code: 5358-1098.

Поступила в редакцию / Received 08.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised 26.02.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025